

**Социально-культурная детерминация коллективного знания
об объективной пространственной действительности Средневековья
(на примере лексико-семантической системы средневерхненемецкого)**

Для нас, говорящих, язык является не объектом, а
посредником; язык – это то, благодаря чему, с
помощью чего мы выражаем себя и вещи

Поль Рикёр, французский философ

Язык есть исповедь народа:
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной

П.А. Вяземский, поэт, литературный
критик

Изучение мышления и познавательной деятельности человека, когнитивности, интерес к природе и сущности хранящегося в ментальном лексиконе знания, к проблемам функционирования человеческого мозга, к результатам восприятия действительности – все это, по мнению Н.Ф. Алефиренко, стимулировало появление и бурное развитие когнитивной лингвистики [Алефиренко 2005: 174].

Н.И. Курганова справедливо полагает, что в современном мире в условиях усиления глобализации и интенсификации межкультурной коммуникации все более актуальной становится задача исследования результатов и процессов когнитивной деятельности, вырабатываемых в рамках определенной культуры. Это предполагает обращение к уровню **«коллективного знания»**, формируемого в рамках определенного социума. Коллективное знание, по определению Н.И. Кургановой – это «совокупное знание-переживание», формирующееся и функционирующее только в определенной лингвокультурной общности.

Н.Ф. Алефиренко также соглашается с тем, что знание есть феномен культуры, объясняя это тем, что «внутри той или иной культурно-исторической парадигмы создаются свои критерии оценки знания, вырабатываются свои механизмы и правила представления знания в сознании» [Алефиренко 2005: 176-177].

Таким образом, содержание и структура знания в определенной степени обусловлены особенностями той среды (физической, биологической), в которой осуществляется социализация и инкультурация личности¹.

¹ Понятия «социализация» и «инкультурация» во многом совпадают друг с другом по содержанию, так как оба подразумевают усвоение людьми культурных норм какого-либо общества. Но если под **социализацией**

Рассуждая о коллективном знании, Н.И. Курганова приходит к выводу о том, что это знание представляет собой этноформирующую категорию, которая вырабатывается у членов общества сообща. Это – совокупность неких культурных преставлений одного сообщества, которые в свою очередь конституируют коллективное сознание, обуславливающее сознание индивида.

Отметим, что при отражении действительности воспринимаются не все свойства предметов, а лишь те, которые имеют значение для человека, в силу чего освоение мира преломляется через систему потребностей и запросов конкретных групп и сообществ. Выбор фиксированных центров восприятия не совпадает в различных культурах, это является источником этнокультурных различий в содержании коллективного знания.

Познавая, человек выражает свое отношение к тому, что он воспринимает и осмысливает. В результате единицей сознания является сложное образование, которое включает два противоположных компонента: знания и отношения к нему. Следовательно, в структуру коллективного знания входят не только понятийные компоненты, но и элементы эмоционального освоения действительности.

Также важно помнить, что в коллективном знании могут присутствовать элементы различной степени достоверности и объективности. Это объясняется тем, что познавая, человек движется по пути наилучшей адаптации к миру, а не по пути адекватного отражения мира. Это естественно, если учесть, что основной функцией этнической культуры является функция психологической защиты.

По мнению С.Л. Рубенштейна, один из наиболее важных культурных параметров, оказывающих существенное влияние на результаты познания – учет прошлого опыта и уже приобретенных знаний. В зависимости от уровня и содержания наших знаний мы не только по-иному рассуждаем, но и по-иному воспринимаем то, что нам дано. Наши знания отражаются в нашем восприятии действительности [Рубенштейн 1989: 396].

Итак, коллективное знание многомерно, это проявляется в наличие в содержании знания нескольких качественно отличных составляющих.

Представив вкратце теоретическое описание структуры коллективного знания, обратимся к конкретным языковым примерам и попробуем через анализ лексико-

мы понимаем гармоничное вхождение индивида в социальную среду, усвоение им системы ценностей общества, позволяющего ему успешно функционировать в качестве его члена, то **инкультурация** – это обучение человека традициям и нормам поведения в конкретной культуре. Это происходит в процессе отношений обмена между человеком и его культурой, при которых, с одной стороны, культура определяет основные черты личности человека, а с другой, — человек сам влияет на свою культуру.

семантической системы языка понять, как человек 11-14 века² представлял себе окружающее его пространство.

Прежде чем начать анализ, отметим, что хотя наши наблюдения и основываются исключительно на анализе единиц лексического и, частично, фразеологического уровня, морфология и синтаксис также могут выражать коллективное знание о мире, специфическое национальное отражение окружающего объективного мира.

В этом мы соглашаемся с О.А. Корниловым, критикующим в свою очередь Э.Сепира, по мнению которого тенденция, рассматривать языковые категории как непосредственное выражение внешних культурных черт, не подтверждается фактами. Крайне редко, полагает Э.Сепир, удается установить, какая культурная черта оказала влияние на базовую структуру языка. Он предлагает опираться исключительно на лексику, которую он называет чувствительным показателем культуры народа. Изменение значения, утеря старых слов, создание или заимствование новых слов – все это зависит от истории самой культуры.

О.А. Корнилов же имеет противоположное мнение. Он полагает, что конкретным морфологическим или синтаксическим структурам языка вряд ли стоит отказывать в способности нести в себе специфику национальной ментальности и национального характера, которые являются важнейшими составляющими национальной культуры. О.А. Корнилов считает, что следует говорить не о влиянии какой-либо культурной или национальной черты на базовую структуру языка (как это делал Сэпир), скорее надо вести речь о влиянии этой самой черты на ту или иную морфологическую или синтаксическую категорию. Другими словами, надо говорить о самовыражении определенной национальной черты с помощью определенной грамматической категории [Корнилов 2011: 102-103]³.

Средневерхненемецкий период развития языка (11-14 вв.), лексическая система которого послужила для нас источником примеров, исторически приходится на Высокое или классическое Средневековье (середина XI-конец XIV веков). Его социально-

² Согласно теории периодизации О.И. Москальской, средневерхненемецкий период в истории немецкого языка длился с 1050 до 1350 гг [Moskalskaja 2003: 32-33]

³ В языках, где есть категория грамматического рода, утрачена семантическая мотивированность отнесения слов к мужскому или женскому роду. Грамматический род в языках, имеющих эту категорию, на данном этапе их исторического развития, практически полностью асемантичен. О его семантической мотивированности можно говорить лишь применительно к наименованиям лиц. Можно только догадываться, каким образом и на каких основаниях происходило распределение по родам неодушевленных объектов. Фактом остается то, что такое распределение произошло и не последнюю роль в этом процессе сыграло национальное мировосприятие, национальная образность восприятия мира, которые «приписывали» мужское или женское начало тому или иному предмету, явлению, качеству или абстрактному понятию [Корнилов 2011: 103].

культурные особенности, несомненно, отразились в семантике языка, наложившись на эксплицированные в семантике лексем особенности более ранних эпох.

Характеризуя этот период, известный ученый-медиевист А.Я. Гуревич не соглашается с критиками средневековья в том, что «средние века» – это безвременье, разделяющие две славные эпохи истории Европы, средостенье между античностью и ее возрождением, перерыв в развитии культуры, провал в темные столетия. Именно так считает большинство ученых, противопоставляя динамичное Новое время «застойному», «костному» средневековью.

Такое отношение к Средним векам, которое питалось глубоким предубеждением и неосведомленностью, уже давно лишено всякого оправдания, считает А.Я. Гуревич. Не следует забывать, что именно в средние века начали зарождаться европейские нации и формироваться современные государства, складываться языки. К средневековью относятся многие культурные ценности, которые легли в основу нашей цивилизации.

Что же касается средневекового мировоззрения и мировосприятия, то они в этот исторический период особенные, зачастую не поддающиеся объяснению. С ними «...трудно совладать мысли, которая ищет опоры в правилах логики...», напишет однажды Гуревич. Ведь «...смерть и жизнь оказываются обратимыми, а граница между ними – проницаемой: некоторые умирают лишь на время, и мертвые возвращаются к живым, с тем, чтобы поведать им о муках ада, ожидающих грешников. ...» [Гуревич 1999: 25]

Другими неотъемлемыми характеристиками средневековой жизни являются символизм, вера в чудеса и знамения, понимание человеческого коллектива как общности живых и умерших, отсутствие ощутимой дистанции между человеком и природой, в ритмы которой он включен и на которую он может и должен воздействовать.

В качестве особой черты средневекового понимания выступает «тенденция к парадоксальному перевертыванию первичных представлений об установленном порядке, о верхе и низе, о святом и мирском» [Гуревич 1999: 24-30]. Необычность средневековой культуры заключается в «странности сочетания, единства полярных противопоставлений, сублимированного и низменного, небесного и земного, спиритуального и грубо телесного, мрачного и комичного, жизни и смерти» [Гуревич 1999: 271].

Ю.М. Лотман, характеризуя некоторые отличительные черты средневекового пространства, делает акцент на том, что в средневековой системе мышления категория земной жизни оценочна – она противостоит жизни небесной. Понятия нравственной ценности и локального расположения выступают слитно: нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным – нравственный.

Движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя в аду. Длительное путешествие увеличивает святость человека. Стремление к святости подразумевает необходимость отказаться от оседлой жизни и отправиться в путь. Разрыв с грехом мыслился как уход, пространственное перемещение [Лотман 2000: 297-299].

Особенности восприятия пространства людьми средневековья обуславливались рядом обстоятельств: их отношением к природе⁴, способом их расселения, господствовавшими в обществе религиозно-идеологическими постулатами.

Так большая часть Западной Европы была покрыта лесами, где скрывались вольные или невольные адепты бегства от мира: отшельники, странствующие рыцари, разбойники, люди вне закона. Для крестьян и мелкого трудового люда лес был источником дохода. Но из леса исходила и угроза – он был средоточием вымышленных или действительных опасностей, тревожным горизонтом средневекового мира. Лес обступал этот мир, изолировал его и душил. Это была главная граница, ничейная земля между феодальными владениями и странами [Ле Гофф 2000: 160].

Населенные пункты были разбросаны среди лесов редкими оазисами. Преобладали небольшие деревушки с ограниченным числом дворов либо хутора. Более крупные селения встречались в благоприятных местностях – в долинах рек, на берегах морей.

Связи между населенными пунктами были ограничены и сводились к нерегулярным и довольно поверхностным контактам. Пути сообщения практически отсутствовали [Гуревич 1999: 56].

В любом случае мир средневекового человека был невелик, понятен, удобен и обозреваем. Все в этом мире было упорядочено и распределено по местам, всем и всему было указано собственное дело и собственная честь. Нигде не было пустых мест и пробелов, не было также ничего ненужного и лишнего, считает А.Я. Гуревич [Гуревич 1984: 81].

Обратимся, наконец, к языковому материалу, раскрывающему особенности коллективного знания об объективной пространственной действительности Средневековья и в первую очередь остановимся на вертикальном пространстве.

⁴ В отличие от первобытного человека, средневековый не сливал себя с природой, но еще и не противопоставлял себя ей. Неполная выделенность человека из природы сохраняется до тех пор, пока подавляющая масса членов общества ведет натурально-хозяйственный образ жизни и в обмене с природой находит главный источник удовлетворения своих потребностей. С переходом к новому времени, с развитием промышленности, создаются условия для выработки иного подхода человека к природе - как к простому объекту его технического воздействия [Гуревич 1999: 65 -69].

Древнейшим архетипом сознания и мифопоэтическим образом, воплощающим универсальную концепцию мира, олицетворением Вселенной считается *arbor mundi*, мировое или космическое древо, мировая ось, центр и опора мира. С.А. Гудимова называет его «древом цивилизации» среди природного хаоса. Его особая роль для мифопоэтической эпохи определяется тем, что оно выступает и как посредствующее звено между Вселенной (макрокосмосом) и человеком (микрокосмосом), и как место их пересечения [Гудимова 2002: 29, 32].

При членении Древа мира по вертикали выделяются нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (ветви) части, которые противопоставляются друг другу в форме оппозиций: небо-земля, земля – нижний мир. Таким образом, с помощью древа мира различимы основные зоны Вселенной – верхняя (небесное царство), средняя (земля), нижняя (подземное царство) [Гудимова 2002: 16-20].

Для каждой эпохи было характерно их особое восприятие, обусловленное целым рядом экстралингвистических факторов.

Средневековому человеку нижний мир, ад представляется замкнутым пространством, имеющим в качестве границы двери / ворота двн. *portahella / hellapforta hellaporta*, свн. *helleporte*.

По выражению А.Я. Гуревича, в сознании человека раннего средневековья потустороннему миру было присуще дихотомическое деление. На его полюсах располагались Парадиз и Геенна, между ними расположен ряд переходов, тяготеющих к тому или другому [Гуревич 1977: 3-16].

С кон. XII – нач. XIII дихотомическая структура потустороннего мира раннего средневековья (ад / рай) сменяется троичной; происходит оформление идеи чистилища⁵.

Такая революция в понимании структуры потустороннего мира объясняется, по мнению Ж. Ле Гоффа, рядом социально-культурных причин. Накопление новых знаний, более глубокое освоение времени и пространства, возрастающее стремление к благополучию, рост личных состояний, возникновение понятия собственности, рост денежного обращения в период зрелого средневековья, возрастание феодально-городских ценностей и т.д. – все это приводило к перестройке взглядов на мир. Таким образом, перемены в концепции потустороннего мира были, в конечном счете, обусловлены развитием городов и ростом самосознанием городского населения.

⁵ С внедрением понятия чистилища общение между миром живых и миром мертвых интенсифицировалось. Умножение числа заупокойных месс могло способствовать извлечению грешника из чистилища, раздача богатств облегчала участь усопшего, распространялась торговля индульгенциями. В центре внимания христианина была забота о спасении собственной души, об ином мире чистилища [Ле Гофф 2000: 114-117], [Словарь 2007: 378-380].

Реализация ментального коллективного представления о **верхнем мире** происходит в языке посредством сложных слов, в состав которых в качестве определяемого компонента входит *rîhhi* – основа с пространственной семантической доминантой (двн. *himmilrîhhi*, свн. *himelrîche*), *-lant* (свн. *engellant*, *himillant*), *-ring*, и *-himil* (свн. *himilberc*, *himeldach*, *himelhac*, *himelhof*, *himelhûs*) Эти лексемы позволяют установить интересную закономерность в восприятии средневековым сознанием верхнего мира, человек структурирует его по образу и подобию собственного жилого пространства: небесное царство соотносится с некоей постройкой в центре – домом (*himelhûs*) (с выполняющими защитную функцию и функцию границы крышей, дверью / воротами (*himeldach* «небесный кров», *himelp(f)orte*, *himilturi* «небесные врата»), комнатой (*himelkamara*), далее по мере удаления от центра расположенным вокруг дома двором (*himelhof*) и оградой (*himelhac*).

Представление человека о верхнем пространстве в дохристианский период разнится с его отражением в сознании в христианскую эпоху. Для языческого сознания небо – пространство богов, сакральное и святое, но в то же время не только имеющее связь со срединным, но организованное по аналогии с ним (замкнутое, имеющее границы). В христианском сознании небесное пространство – нечто недостижимое. Связь со срединным практически не устанавливается, они скорее противопоставлены друг другу, как место пребывания грешных и святых, избранных; жизнь на земле – страдание, на небе – блаженство и радость.

Наибольшей аксиологической значимостью для человека (особенно в дохристианскую эпоху), обладает срединное пространство. Это место его обитания, здесь сосредоточена его жизнедеятельность. Анализ лексемы двн. *mittilagart*, описывающей это пространство, позволяет сделать вывод о том, что изначально свое место обитания человек представлял как располагающееся в середине (и.-е. **medhio-s* «находящийся в середине») и огороженное / замкнутое (герм. **gardôn*, и.-е. **gherdh* «охватывать, огораживать, опоясывать»), а значит защищенное от проникновения внешнего.

Важнейшей точкой срединного пространства, обладающей наибольшей степенью аксиологической значимости, является центр. Степень чуждости возрастает по мере удаления от центра (человек → дом → двор → село → поле → лес), «свое» (культурное) пространство через ряд границ переходит в «чужое» (природное), которое в свою очередь граничит или отождествляется с потусторонним миром [Выходцева 2006: 34].

Чем дальше от центра, тем менее ценимые социальные группы там располагаются. Те, кто находится ниже черты социальной ценности, помещаются на границе предместья

(предместье – «перед местом», перед городом, т.е. на его пограничной черте) [Лотман 2000: 265-266].

Центральную точку «своего» пространства представляет собой жилище человека, рассматриваемое Ю.М. Лотманом как «безопасное, культурное, охраняемое покровительственными богами» пространство, противопоставляемое «антидому», «лесному дому» (чужому, дьявольскому пространству, месту смерти) [Лотман 2000: 313].

В связи с переходом к оседлому образу жизни одновременно и неотделимо друг от друга происходят два процесса: а) обработка земли: древний ландшафт постепенно преобразовывался в поля; б) поселение в определенной местности, постройка жилища / комплекса строений, на месте которого позже появляется город. Последнее является важным фактором, который заставил человека по-другому взглянуть на окружающий его мир и который способствовал переоценке ценностей в восприятии объективного мира. Рассмотрим, как это отразилось на ментальном и языковом уровнях.

Территория, на которой человек останавливался с целью постоянного проживания, описывается лексемой двн. *stat, stata* со значением «место / местность, пространство, положение». Она восходит к и.-е. корню **sta-, *ste-* «стоять». Таким образом, в структуре значения лексемы наиболее значима сема оседлости. Существительные, образованные от этого корня, имеют общее значение – место, где человек остановился и обосновался (в виду хороших климатических, ландшафтных условий) с последующей обработкой и окультуриванием этой территории. Обозначение места поселения лексемой *stat, stata* было перенесено на обозначение жилища, крепости. В свн. период, в XII в., рассматриваемая лексема расширяет свое значение, в ее семантической структуре появляется правовой компонент: свн. *stat* «место, проживающие в котором наделены определенными правами и привилегиями», «город как политическое образование». В этом значении она конкурирует с уже существующим в языке словом двн. *burg*, свн. *burc* «город», а потом и вовсе вытесняет его из употребления в этом значении.

Описанные семантические трансформации можно легко объяснить изменяющимся представлением о действительности. Если с началом оседлого периода жизни древних германцев «своим» считалась конкретная постройка, принадлежавшая одному человеку, его семье, потом поселение, где проживали соплеменники, родственники и т.п., то в средневековье своими стали крепость и город и близлежащие (в пределах визуальной/физической досягаемости) окрестности.

Репрезентация в языке ментального представления о жилище, возводимом на своей территории, происходит посредством лексемы двн. *heima*, свн. *heim*. Если изначально доминирующим в семантической структуре слова был компонент «оседлость» (и.-е. **kei-*,

«лежать»)), то позже более весомым в семантической структуре слова становится абстрактный компонент, который позволяет описывать анализируемой лексемой понятие не только дома-жилища, но и дома-семьи, семейного очага.

Представление о своем пространстве-жилище вербализуется также лексемой двн. *bû*, свн. *bû, bou* «жилище, дом» (двн. *bûan / bûwan* «жить»). Но также описывается и открытое, окультуренное пространство, обрабатываемое поле. Таким образом, условием нового (оседлого) образа жизни становится возведение жилища и параллельно окультуривание близлежащих земель.

Свое пространство-жилище представляет и существительное двн. *zimbar*, свн. *zimber, zimer*. В его основе лежит герм. корень **timbra* «строительное дерево». Затем наблюдается перенос обозначения с материала на объект, который создается из этого материала. С 15 в. название *zimber / zimer* закрепляется не только за деревянными постройками, этим словом именуют и дом, построенный из камня. Постепенно словом двн. *zimbar*, свн. *zimber* стали обозначать комнату благородного господина, дамы (ср. свн. *vrouwenzimmer* «женские покои»), тогда как комнаты простолюдина стали именовать *Stube*⁶.

Дом древних германцев, изначально состоявший из одной комнаты, обозначался двн., свн. *sal*. В период расцвета Средневековья светлое просторное помещение, именуемое словом *sal*, все еще находилось обособленно, свидетельство чему находим в словаре Гриммов: «*sehs und ahzec türne si sahen drinne stân...drî palas wîte und einen sal wol getân*». Но с началом строительства больших замков словом *sal* стали именовать большие неотапливаемые залы для приема гостей и проведения праздников. Таким образом, семантическое развитие лексемы *sal* (отдельно стоящий дом → помещение / комната жилой постройки) заключается в переносе наименования с целого на часть, объяснение чему надо искать в начавшемся процессе функционального разделения постройки на отдельные помещения.

Свое замкнутое пространство наряду с его сакральным и важным в правовом отношении центром-домом включает в себя также находящуюся в непосредственной близости от центра и противопоставляемую ему область, обозначаемую корневой лексемой двн., свн. *hof*, а также ее производными и сложными существительными.

В основе двн., свн. *hof* лежит герм. **keu-*, от которого развиваются помимо двн., свн. *hof*, также двн. *houg*, свн. *houc* «холм». Общее происхождение этих слов объясняется

⁶ В домах богатых людей посредством «Zimmer» именовали красиво обставленные, уютные комнаты членов семьи. Для прислуги была оборудована «Gesindestube».

стремлением человека селиться в относительно возвышенных местах, защищая себя от наводнения и других природных стихий.

Двн., свн. лексема *hof* также описывала возделываемую землю с расположенными на ней хозяйственными постройками.

Следующая периферийная область своего пространства – своя обрабатываемая земля, расположенная вблизи жилища, обозначаемая двн., свн. *land*, двн. *ackar*, свн. *acker*, двн., свн. *rûm*, свн. *art*. Здесь люди осуществили совместную деятельность по созданию и поддержанию этого пространства (герм. **ardi-* «пахать, возделывать землю»), оберегали и защищали его (герм. **ager-n* «огороженное место»).

В коллективном восприятии свое пространство было представлено также лексемой двн. *burg*, свн. *burc* «крепость». Этимологическое сходство двн. *burg*, свн. *burc* с двн. *berg*, свн. *berc* дает основание предполагать, что первые поселения представляли собой укрепленную возвышенность.

В рассмотренном выше примере название крепости двн. *burg*, свн. *burc* было перенесено на подвластную князю территорию, в частности, располагавшийся у стен крепости город. С развитием правовых и социальных отношений значение «город» становится основным. С 12 в. в связи с резким увеличением числа крепостей в целях защиты от военных нападений *burc* в значении «город» интенсивно начинает вытесняться лексемой *stat*.

Итак, первичное представление о своем пространстве как укрепленном, располагающемся на возвышенности, защищенном, предназначенном для совместной трудовой деятельности членов одного социума (одной семьи, группы семей) изменяется в средневековом христианском сознании. Свою актуальность теряют такие его характеристики, как «возвышенность», «групповое селение», «совместная деятельность». Возвышенность более не выполняет свою сакрально-магическую функцию, которая была ей присуща в дохристианский период, населяющие пространство люди необязательно занимаются деятельностью одного вида, а самое главное, речь уже более не идет о групповом селении, как «механической совокупности жителей одной территории», это – тесно сплоченный социум, отношения между его членами регулируются сводом законов и правил, принятых в этом коллективе.

Своему пространству дохристианское и христианское средневековое сознание противопоставляет чужое пространство, которое представлялось как далекое. Экспликацию обоих признаков можно наблюдать на примере лексемы двн. *fremidi*, свн. *fremede* «удаленный», «существующий вне привычного окружения, принадлежащий

другому дому, другой стране, местности», а также «недружественный, незнакомый», а также «необычный, редкий».

Семантико-этимологического анализ данных относительно чужого пространства позволяет сделать вывод об изменяющемся отношении к чужой стране и к чужестранцам. Последние обозначались двн., свн. лексемой *gast* «чужак» (ср. и.-е. **ghosti* «чужак, воинственный чужеземец), устойчивыми выражениями *j-m gast sîn* «быть чужим кому-либо» или *gast sîn* «быть далеко, быть чужим». В диахронии слово претерпевает семантическую трансформацию, заключающуюся в улучшении значения (17 в.), что объясняется изменением отношения человека к приходящим в дом и к самому процессу приема «пришедших извне».

Гостеприимство становится ритуалом, характеризуемым определенными правилами приема гостей в доме, ведения разговора. Образ жизни народа (кочевой, оседлый) определял правила гостеприимства.

Человека, пришедшего из чужой земли, обозначали также сложным прилагательным двн. *elilenti*, свн. *ellende*, второй компонент которого несет значение пространственности, причем это пространство является скорее «своим». Однако первый компонент меняет семантику слова до противоположного (ср. *elidiota* «чужой народ, герм. **alja* «другой»). Таким образом, двн., свн. *elilento* означает «за пределами страны, на чужой стороне», *elilenti* «чужбина, пребывание на чужбине». Подтверждением вышесказанного могут служить соответствующие фразеологические выражения: свн. *daz elende bîwen* → *das elend bauen*, «жить в чужой земле», *ins elend fahren / gehen* «отправляться на чужбину (по собственной воле!)), а также «быть изгнанным» – *ins elend schicken / jagen/ treiben* или антонимичное им выражение *aus dem elend heimkehren, holen* «возвращаться с чужбины на родную землю», а также фразеологизмы со значением пребывания в чужой стране *im elend sein / bleiben / lassen*.

Итак, пребывание в чужой стране, изгнание ассоциируется со страданием, это отражается на семантическом развитии лексемы. Практически полностью происходит утрата пространственной семы, сема «мучение, страдание» остается доминантной. Именно в таком значении слово приходит в нвн.

В дохристианском и христианском средневековом сознании свое и чужое пространство были разделены проходившей между границей. Ю.М. Лотман пишет, что граница-черта, по одну сторону от которой находится «наше», «свое», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное» пространство, ему противостоит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое» [Лотман 1999: 175].

Главное назначение границы, по мнению Ю.М. Лотмана, сводится к ограничению проникновения, фильтрации и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее. Происходит отделение своего от чужого, таким образом, происходит структуризация внешнего пространства [Лотман 1999: 188].

В языке представление о границе вербализуется посредством двн. *mark* «пограничная (разделительная) линия, пограничное ограждение» и ее многочисленных производных: суффиксальных (двн. *marchunga*), префиксальных (двн. *untarmerchi*, свн. *untarmark*), префиксально-суффиксальные (двн. *gimarkida*, свн. *gemerkede* «отделение»), а также сложных лексем (свн. *lantmarke* «граница земли, страны», свн. *erdmarka*). Таким образом, граница – это (пограничная) линия, а также и (пограничная) область.

В языке также находит отражение такое коллективное представление о границе как ее маркировка / обозначение. Именно этот признак, а не пространственный, был изначально более существенным, ведь пространственное значение существительных двн. *marka* «граница, пограничная область», свн. *marke* «граница, пограничная область», «территория / часть земли, находящаяся в пределах границы», «область, край, округ», также «общинные владения землей (свн. *gemerke*), лесом (свн. *holzmarke*), ограниченная территория», вторично. Оно развивается из обозначения процесса, а точнее способа маркировки границы (бавар. *march* «осуществление маркировки границы»).

В качестве маркера границ использовали различные пометы и предметы. Это мог быть надрез, зарубка на дереве (двн. *lâh/ lâhha*, свн. *lâche, lâchene*), само дерево (свн. *marcboum / mâlbaum*), «пограничный камень (двн. *markstein*), «пограничный холм» (двн. *marchoug*), а также свн. *mâlstat* (и.-е. **me-* «измерять, мерить»). Последнее подтверждает мысль Н.Д. Арутюновой о том, что «отграничение некоторой территории, наложение границ вокруг нее представляет собой акт количественной характеристики, таким образом, территорию можно характеризовать по количеству образующей ее или содержащейся в ней субстанции» [Теория метафоры 1990: 412].

В основе лексем, обозначающих границу и процесс ее создания, лежит также корень и.-е. **teu-*, герм. **tûna*. В отличие от рассмотренных выше эти лексеммы описывают границу в узком смысле слова, т.е. границу жилища человека с прилегающими к нему хозяйственными постройками и обрабатываемыми землями. Изначально это была сплетенная из веток ограда (**teu* – «гнуть, плести», двн. *ziunîn* – «сделанный из переплетенных веток», двн. *zûnidi, zûnîn* – «плетень»). Сема «ограждение» выходит на первый план в двн., свн. *zûn*.

Большая аксиологическая значимость границы; ее ценность как разделяющей «свое» и «чужое» независимо от эпохи не вызывает сомнений. В связи с этим, описывая

ментальное отражение границы в средневековом сознании, отмечаем, прежде всего, ее восприятие как «разделительной линии / черты между своим и чужим / гармонически организованным и хаотичным / между культурным, безопасным, и враждебным, опасным / между миром живых и мертвых». Граница – это одновременно ничье, она не принадлежит ни этому миру, ни тому, но, с другой стороны, принадлежит обеим пограничным культурам. В этом, на наш взгляд, заключается ее феноменологическая природа как культурного концепта – разделять, являясь препятствием при прохождении из одного пространства в другое, и соединять части разнородного пространства. В качестве следующего значимого когнитивного признака выделим «неприкосновенность» и «целостность» границы.

Большое значение для человека в процессе восприятия и оценки пространства играет граница его собственного жилища.

Горизонтальная плоскость жилища четырехчастна, а вертикальная - трехчастна. Две границы – пол и потолок – делят вертикальную плоскость жилища на три зоны: чердак, жилое пространство, подполье, каждой из которых приписывается определенное содержание. Средний уровень дома – жилое пространство между полом и потолком – делится на три зоны. Нижняя граница культурного горизонта манифестируется сиденьями, местами для ночлега. Верхняя граница расположена на уровне глаз. Эталонной (серединой) плоскостью культурного горизонта является стол. Все действия человека разворачиваются в границах культурного горизонта. Действия ниже или выше него имеют ритуально-мифологический смысл и запрещены в обыденной обстановке. Описывая структуру дома, следует особо подчеркнуть, что вертикальная структура дома иерархична и включена в иерархическую структуру мира.

А.Л. Ястребицкая в качестве основной рассматривает такую функцию средневекового дома, как скрыть, спрятать, защитить его собственника от воздействия внешних (враждебных) сил, отгородиться от окружающего мира с помощью глухого забора или стены. Эту же функцию выполняли двери и окна. В Средневековье двери были окованы железом, а окна закрывались плотными ставнями [Ястребицкая 1978: 40-51].

Анализируя структуру дома как модели универсума, Т.В. Цивьян особенно подчеркивает наличие границы дома, которую характеризует как вход / выход в «свой» / «чужой» мир и в качестве которой она рассматривает крышу, стены, забор, ворота, дверь, лестницу, порог. Этим элементам она приписывает защитительную, заградительную, запрещающую функцию [Цивьян 2000: 203-205]. Рассмотрим их более подробно.

По мнению Э. Бенвениста, Т. В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, дверь – двн. *turi*, свн. *tür(e)* / двн., свн. *tor* – символизирует «выход из дома», перемещение из своего во внешнее, не-свое, чужое пространство.

М.М. Маковский расценивает дверь как «место прохождения между двумя мирами, между известным и неизвестным, между внутренним и внешним, между светом и мраком. Дверь в древности символизировала перегородку между различными уровнями мироздания: между верхом (небосвод) и низом (преисподняя)» [Маковский 2004: 543-544].

Граница дома – это также окно. Его символика аналогична символике двери – врата потустороннего мира (лат. *fenestra*, ср. и.-е. **nau* «смерть», др.-сев. *vandr* «плохой»).

Крыша (двн. *dah*, свн. *dach*) – верхняя граница дома, ее главная функция заключается в защите своего пространства (ср. и.-е. **teg* «покрывать», нидерл. *dak* «крыша», «покрытие», «защита»).

Важность крыши как защитного сооружения отражена в устойчивом выражении *j-m aufs Dach steigen, j-m übers Dach kommen, eins aufs Dach kriegen*. Выражение пришло из обычая 16 в., когда у совершившего преступление (а также у того, кого считали слишком покорным мужем) раскрывали в доме крышу. Вообще любое внешнее воздействие на крышу со стороны кого-либо было отрицательным, напр. *Einem auf Dache sein, sitzen*. В контексте выше приведенного фразеологизма это своего рода предупреждение перед тем, как лишать человека крова.

Обратимся еще к одному ряду вербальных репрезентантов ментального представления о границе своего пространства дома, которое реализуется в языке лексемой двн., свн. *want*. Поскольку стены считались границей дома с защитно-оберегающей функцией, то не удивительно, что двн., свн. *want* вследствие метонимического переноса становится вербальным репрезентантом концептуального содержания дома-жилища, напр. *in seinen eigenen vier Wänden*, а также *j-s vier wende*.

«Нижняя граница» дома – пол, двн. *bodam*, свн. *bodem* (лат. *fundus*, др.-инд. *budhnaḥ* «основа»). Это не только граница, отделяющая пространство дома от нижнего, чужого пространства, пол – это основа, на которой все держится защита дома.

На основе анализа установленных лексем-репрезентантов в языке имеющегося в сознании образа о границах своего пространства-дома можно выявить следующие характеристики: «иерархичность вертикальной структуры дома» → «уподобление (вертикальной) структуре мира», «разделение двух миров / место прохождения между двумя мирами» → «вход-выход в свой, чужой мир / «точка в пространстве, максимально приближенная к «своему», где осуществляется выход вовне, в чужое» / «перемещение из

своего во внешнее», «основа дома (на которой все держится)», «укрытие», «защита от воздействия внешних (враждебных) сил», «препятствие», «характер / способ преодоления препятствия». Перечисленные признаки границы дома, осознанные человеком и отображенные в структуре коллективного знания о границах дома, не имеют принципиального различия на протяжении всей средневековой эпохи.

Подчеркнем еще раз, что граница вообще и, тем более, граница дома, в частности, имеет в раннем Средневековье особую важность для сознания человека ввиду своей высокой аксиологической значимости и сакральности пространства жилища. В силу своей неприкосновенности она действительно оберегает и защищает свое от воздействия со стороны чужого, образует в прямом и переносном значении основу.

Итак, в данной статье была представлена попытка показать и доказать через анализ лексико-семантической системы средневерхненемецкого наличие социально-культурной детерминации коллективного знания, ментального представления об объективной пространственной действительности человека (до)христианского Средневековья. Как было видно из примеров все три зоны вертикального пространства и особенно срединное, которое было населено самим человеком, воспринимаются с течением времени в аспекте все новых детерминирующих нюансов: социальных и культурных, религиозных, научных и др. Изменяемое вследствие социально-культурной детерминации коллективное осознание той или части пространства непременно отражается на семантико-лексическом уровне языковых единиц, вербально репрезентирующих это пространство.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебн. пособие. М.: Флинта: Наука, 2005
2. Выходцева И.С. Концепт «свой-чужой» в советской культуре (20-30 –е гг.). Дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 2006. – 187 с.
3. Гудимова С.А. Символы культур: Сб. статей. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч. информ. исслед.; Отв. ред. Галинская И.Л. – М.: – 220 с.
4. Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков // Труды по знаковым системам . Т. 6. Тарту. 1977. – С. 3-27
5. Гуревич А. Избранные труды. В 4 – х. Том 1. Древние германцы. Викинги. М.-СПб.: Университетская книга, 1999. – 360 с.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: [учеб. пособ.] / О.А. Карнилов.- 3-е изд. испр.- М.: КДУ, 2011. -350

7. Курганова Н.И. Проблема исследования коллективного знания в когнитивной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики 2010, № 2 (23)
8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – Сретенск: МЦИФИ, 2000. – 370 с.
9. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 464 с.
10. Лотман Ю.М. Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
11. Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М., 2004. Изд-во «Азбуковник», – 630 с.
12. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Осн. изд. доп. М.: МГУ, 1997
13. Рубенштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 2. М.: М. Педагогика, 1989
14. Теория метафоры // Арутюнова Н.Д., Журинская М.А. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
15. Цивьян Т.В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. памяти В.Я. Проппа, 2000. – С. 191-213
16. Ястрибицкая А. Л. Западная Европа XI-XIII. М.: – 197 с.
17. Moskalskaja O.I. Deutsche Sprachgeschichte: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак-ов. ин.яз. высш.пед.учеб.заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 288 с.

Список использованных словарей

1. Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007 – 624 с. Список использованных исторических и этимологических словарей
2. Lexer, Matthias Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig, 1956
3. Paul, Hermann Deutsches Wörterbuch. Max Niemeyer Verlag, Halle (Saale), 1954
4. Schützeichel, R Althochdeutsches Wörterbuch. Max Niemeyer Verlag Tübingen. 2006.